

Волкодлак

Волкодлак (Волколак, Волкулак, Вовкулака) - по верованиям древних славян человек-волк; оборотень; колдун, способный превращаться в волка и обращать в волков других людей. По другим представлениям волколаки - воины-оборотни из свиты славянских языческих Богов Ярилы и Велеса.

Внешним признаком Волкодлака является растущая на голове волчья шерсть (длака), заметная уже при рождении. От неё и происходит данное славянское наименование. Мотив превращения человека в волка распространён в фольклоре всех европейских стран, а так же Кавказа, что свидетельствует о глубокой древности его происхождения. Известен мотив превращения в волка при надевании волчьей шкуры. Предполагалось, что при её снятии происходило обратное превращение. Человек мог стать Волкодлаком и благодаря колдовству. В литовском фольклоре подобных персонажей называли вилтаками. При этом считалось, что превращение осуществляется при надевании заколдованного пояса (приевита) или перешагивания (перекувыркивания) через пень в который был воткнут нож. Необходимо было произнести при этом соответствующий заговор.

По поверьям, Волкодлак, как и настоящий волк нападал на людей и животных. В то же время известны рассказы о том, что заколдованный человек стремился преодолеть силу колдовства и не причинять никому вреда. В этом случае он также отказывается есть сырое мясо.

Считалось, что после смерти Волкодлак может стать упырём, поэтому перед его погребением ему следовало завязать рот или вложить в него монету.

«Полночь, всеобщая тишина. Вот-вот к нам заглянёт домовой, волкодлак, лаума, какая-нибудь нечистая сила» (Смоленская область); «Солдатик проучил пупка-колдуна за то, что он на свадьбах людей волкулаками делал» (Смоленская область).

Вера в существование людей-волков распространена повсеместно, но в центральной и северной России их чаще называют оборотнями.

Человек, наделенный сверхъестественными способностями, становится волком, «перекинувшись» (перевернувшись) через воткнутый в гладкий пень или в землю нож, топор. В рассказе из Вологодской губернии женщина-колдунья обращается волком, «перекинувшись» через коромысло. Если нож (топор, иной предмет, через который «перекидывались») выдернуть и унести, человек-волк навсегда останется волком. «В селе Лучасах Смоленской губернии рассказывают, что когда-то там жил мужик, умевший делаться оборотнем. Пойдет на гумно и пропадет. Однажды за овином нашли воткнутый в землю нож и выдернули его. С тех пор мужик пропал и пропадал без вести года три. Один знахарь посоветовал родственникам пропавшего воткнуть нож за овином, на том месте, где он торчал раньше. Те так и сделали. Вскоре после этого пропадавший мужик пришел в свою избу, но весь обросший волчьей шерстью. Истопили жарко баню, положили оборотня на полки и стали парить веником; волчья шерсть вся и сошла.

Оборотень рассказал, как он превращался: стоило ему перекинуться через нож, и он обращался волком. Прибежал, а ножа нет. И век бы ему бегать в таком виде, если бы не догадались воткнуть на старое место нож. Хотя этот парень и обращался в волка и долгое время был оборотнем, мысли и чувства у него были человеческие. Он даже не мог есть нечистой пищи, например падали. Когда оборотень подходил напиться к воде, там отражался не волк, а человеческий образ» (Гальковский, 1916 год).

Смоленские крестьяне рассказывали, как волками сделались дети колдуна, по ошибке выпившие приготовленный «для поддела» напиток: «После этого колдун просил соседей не стрелять волчат, а ударить, при виде их, палкой об "мяльлицу"; случись при этом оборотни, они могли бы принять прежний образ».

В Олонецком крае записано повествование о колдуне, который по ночам становился волком. Цель таких превращений в великорусских и севернорусских поверьях не всегда ясна: рассказы об оборотнях-колдунах обычно ограничиваются сообщениями о том, что они «бегают волками» (конкретная задача - например, загнать овец, причинить людям вред - упоминается реже). «Колдун может обращаться в любое животное и других обращать в зверей (преимущественно волков). В Кадниковском уезде Вологодской губернии рассказывают, что колдун приходит в лес, ударяет топором в пень и обращается в волка для того, чтобы заесть скотину, принадлежащую тому человеку, на которого он, колдун, за что-либо гневается. Чтобы снова принять человеческой вид, ему надо вытащить топор из пня» (Иваницкий, 1890 год).

В повествованиях, записанных на Смоленщине, волкодлаки «загрызают» девушек, придя под видом парней на вечеринку.

По южнорусским, малороссийским поверьям, «деятельность» вовкулаков (волколаков, вулкаков) более разнообразна: оборачиваясь не только волками, но и черными собаками, кошками, они нападают на людей, на скот, распространяют повальные болезни (Потебня, 1865 год).

Орловские крестьяне, напротив, считали, что волкулаки никогда не нападают на человека и скота не трогают. Они держат себя с подветренной стороны от настоящих волков. «Хотя нужда заставляет их питаться чем попало, но они больше стараются разжиться хлебом и мясным, унося из погребов то и другое» (непонятная убыль съестного - от волкулак) (Трунов, 1869 год).

Представления о волкодлаках, волках-оборотнях, достаточно древние. В Кормчей по списку 1282 г. повествуется о волкодлаке, который «гонит облака и изъедает луну» (Гальковский, 1916 год). Это образ, более близкий к южнорусским поверьям. По мнению Ф. Буслаева, «остаток этого предания доселе сохранился в пословице: „Серый волк на небе звезды ловит“» (Буслаев, 1861 год).

В «Слове о полку Игореве» князь Всеслав «рыщет волком в ночи». Обращение в волка было уподоблением одному из наиболее почитаемых и могущественных, наделяемых сверхъестественными свойствами зверей. Способность к таким превращениям издревле приписывалась «особо сильным» колдунам и, видимо, составляла необходимую часть некоторых обрядов. Возможно, именно об обрядовом «превращении в волков» свидетельствовал Геродот, повествуя о том, что ежегодно каждый из неуров (предположительно обитавших на территории нынешней Белоруссии) «становится на несколько дней волком».

Подобное обращение когда-то могло быть приурочено и к свадьбе, одному из наиболее важных обрядов в жизни человека (в образе сверхъестественного волка видят реплику

некогда бытовавшего «обращения жениха в волка» в связи с формой брака - умыканием).

Каким бы ни было объяснение, многочисленные и популярные в XIX-XX веках среди русских крестьян рассказы повествуют не столько о деяниях колдунов в облике волков, сколько об участии людей, обернутых волками (чаще всего во время свадьбы): «...Всех участвующих в свадебном празднестве обращают в волков, которые в сутнее (у переднего угла) окно выскакивают на улицу и убегают в лес, где и проживают днем и ночью. Иногда такие волки входят в сообщение с другими волками, иногда бегают отдельной стаей. По ночам они из лесу прибегают к родным местам и жалобно воют, так как жаль расставаться со своим домом и семьей. (...) Для придания волку человеческого вида нужно сначала найти стаю, в которой этот волк бегает. Нередко можно встретить мужика, который, пользуясь доверием народа, рассказывает, что он отыскивает стаю, в которой бегает обращенная в волков свадьба. Этому мужику частью из страха, частью из сожаления народ дает большие подачки» (Вологодская область).

Обращенные в волков люди страдают, скучают и стараются держаться поближе к жилью. На Вологодчине записан рассказ о том, как занозивший лапу оборотень второй год подряд приходит к мужику за помощью (в овин). На второй год мужик убивает волка и обнаруживает под его шкурой человека в кумачной рубахе.

Обратить людей (и мужчин, и женщин) в волков (реже - в медведей) можно было навсегда или на определенный срок. В Тульской губернии записана быличка о поезжанах (участниках свадьбы), заколдованных на семь лет. Трое из них затем вернулись, и один из бывших волков рассказывал, что, бегая в стае, приходилось всего остерегаться. Нельзя было, например, «ложиться на ветер», чтоб волки не учуяли человечину: «Бегаешь, бегаешь, поесть все ищешь; настоящие-то волки падаль жрут, а мы не ели падали, все живых - барашка, теленочка...» Оборотень привыкает ходить в свою деревню под ригу и там лежать. В конце концов родные признают его за «своего» и начинают подкармливать. Через семь лет он превращается в человека - остается лишь клочок серенькой шерсти возле самого сердца.

Согласно архангельским поверьям, свадьбу, уехавшую без отпуска, всегда постигает несчастье. «Охотники, бродя в лесу, встречаются иногда с волками, одетыми в кафтаны и женские платья, это люди, уехавшие без отпуска (без соответствующего „напутствия“ колдуна)» (Верещагин, 1849 год); «поезд оборачивают волками и есть-коли дружка плох, не может, значит, супротив заговора свой отговор представить» (Урал). Очевидно, что «свадебное» обращение в волка осмысливается в XIX-XX вв. как нежелательное последствие колдовской порчи.

Кроме превращений на свадьбах, в поверьях XIX-XX вв. засвидетельствовано обращение в волка «по ветру» и «по слову матери». Когда единственный сын собирается без отпевания зарыть умершего отца в саду («на полов много денег нужно»), мать говорит: «„Лучше я б волка породила, чем такого сына, отца как собаку зарыть хочет“. Только она это сказала, как и стал сын волком, хвост поджал, да и в лес побежал. Долго ли он в лесу жил, коротко ли, а только мяса не едал. Разорвет овцецу, да поглядит, где пастухи картошку пекли, да на тех вугольях мясо и сжарит. Знал видь, что как сырое мясо съист, навсегда волком останется». Добросердечный человек прикрывает замерзшего волка кафтаном - и «стал он опять человеком. Домой пришел, матери в ноги поклонился. Ну мать, известно дело, простила» (по уверению рассказчика, этот случай произошел с сыном его соседа (Архангельская область) (Карнаухова, 1934 год).

Мотив обращения в волка нередок в повествованиях о любовных и семейных драмах. На Смоленщине рассказывали: «Во время крепостного права спознался один мужичек с колдуньей; а как перестал он ее любить и знаться с нею, покинутая любовница превратила его в волка» («волк» уходит странствовать, питаясь украденными кусочками хлеба и чуждаясь настоящих волков; подглядев, как колдун-оборотень, «перебросив через себя резвины», становится из волка человеком, мужик поступает по его примеру и принимает прежний образ). «Пан хотел наказать „за сбеги“ мужика, провинившегося долгим отсутствием, однако простил, когда мужик указал уцелевший у него на груди клочок шерсти как доказательство превращения».

В некоторых областях России был популярен сюжет о теще-колдунье, превращающей зятя в волка (Пензенская область и Урал). В уральском варианте теща мстит за обиженную дочь. «Зять-волк» претерпевает ужасные мучения: бегая зимой с волчьей стаей, отмораживает пальцы рук. Отведав мяса зарезанных волками животных (перед этим его необходимо подкинуть три раза), оборотень начинает понимать речь волков. Затем он подговаривает их напасть на двор тещи, но, «зная все наперед», колдунья ловит волков, превращая тем не менее исстрадавшегося зятя в человека. «Волк», однако, уходит из дома, а затем в монастыре на Иргизе постригается в монахи (Железнов, 1910 год).

Обращенный волком мог стать человеком по окончании заклатья или после того, как его накроют «человечьей» одеждой (Архангельская область). В быличке, записанной в Бежаницком районе Псковской области, солдат заставляет покойницу попадью, обратившую свадебный поезд в волков, указать средство к их спасению. Для этого необходимо созвать волков-оборотней: «Дам я тебе трубочку. В эту трубочку потруби - они все к тебе придут. Оторву тебе шматок от савана. Этим их покури - они опять люди будут».

Согласно представлениям, бытующим в Новгородской области, чтобы сделать оборотня человеком, необходимо накормить его «благословленной едой», т. е. такой едой, которую благословили. Однако для этого нужно отыскать, угадать оборотня среди волков, а сделать это непросто.

Образ, подобный волкодлаку, оборотню, человеку-волку, есть в верованиях многих народов (английский Беовульф, немецкий Вервольф и т. п.). Происхождение его, как и смысл самого наименования, вызывает споры (волкодлак - «волк-медведь», «волк с конским, коровьим волосом, шкурой» и т.п.). Образ человека-волка считают возникшим в результате своеобразного подсознательного припоминания человека о полуживотном обличье его предков или связывают с воспоминаниями об обрядах в честь (или с участием) божества (волка), жрецы и почитатели которого носили волчьи шкуры (Кагаров, 1913 год).

«К грубой эпохе относится верование в волкодлаков, когда возможно было представление человека в образе зверя и когда люди, находясь в постоянном обращении с зверьями, умели, по пословице, с волками выть по-волчьи: как ни странно покажется, а летописцы такое искусство действительно приписывают некоторым лицам. Так, в Лаврентьевской летописи читаем: «...и яко бысть полунощи, и встав Боняк и отъеха от вой, и поча выти вольчскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози» (Буслаев, 1861 год).

Представление о возможности «разговора» с животными отражено в смоленской быличке конца XIX века: кланяясь волкам в ноги, заплутавший в лесу крестьянин просит

их: «Идите же вы с Богом, куда Бог вам дорогу наказал!» - и волки пропускают его. «Раньше животные были людьми, но прогневили Бога, и Он отнял у них душу, - считали на Вологодчине. - Медведь простоватее был всех, вот Бог и дал ему немного души. (...) Животные между собой разговаривают, только человек не понимает их разговоров. А были все-таки такие люди, которые понимали их речи, например святые и преподобные, и теперь колдуны и ведьмы все понимают».

Так или иначе, представления о том, что под шкурой волка могут находиться мужчина или женщина, отразили веру в родство и единство всего живого: здесь волк - «хозяин» леса, зверей и одновременно «старший» родственник, покровитель, предок человека, «сильный» колдун, волхв-волк. Человек же, в свою очередь, - «превращенный волк», который (особенно колдун) черпает в этом родстве силы, а в критические моменты жизни может вновь стать волком.